

П. К. ЛУЧИНСКИЙ

Заложники

«Фрагменты»

<...>

Последний год Политбюро практически не работало. Не больше шести-семи раз заседало. Сначала в Кремле на третьем этаже, где работал президент. Горбачев заходил со стороны Орехового зала. Это небольшая комната цвета спелого ореха, за что получила свое название. Она примыкает к залу заседаний. Через нее попадаешь в приемную и кабинет президента, сделав небольшой полукруг по коридору.

Вел заседания генсек. Он делал многословное вступление. А потом шел крутой разговор о положении дел в партии, в стране. Не раз от Горбачева требовали что-то делать, так как партия и страна катятся к хаосу и полному развалу. Такими были выступления С. Гуренко и И. Каримова, лидеров партии Украины и Узбекистана, Ю. Прокофьева, московской парторганизации.

На что генсек почти всегда парировал: «Я знаю обстановку лучше вас всех. Я вижу дальше, чем вы!» И подводил итоги обсуждения. В решение вносились поправки. Он подписывал окончательный текст.

Конфликты с партийными руководителями у него стали углубляться с лета 1990 года. А через год апрельский пленум ЦК вызвал такой накал страстей и нежелание терпеть Горбачева в роли лидера партии, что он сам не выдержал. Заявил о готовности уйти в отставку. В один из перерывов меня окружили почти две сотни участников пленума. Многие из них высказали такую критику в адрес Политбюро, что мне стало не по себе.

Что удержало секретарей областей, краев, республик здесь же на пленуме расстаться с Горбачевым? Сказать трудно. Можно предположить, что у большинства сработал инстинкт самозащиты. Июльский Указ российского президента Бориса Ельцина «О де-

партизации» государственных органов — изданный незадолго до пленума — вообще снял все страсти¹. Надежда была на то, что Горбачев займет определенную позицию и перестанет метаться.

Вопрос с Горбачевым оставили открытым. Как и требование некоторых делегатов призвать генсека к ответу за развал страны и партии. А что остановило Михаила Горбачева от решительного шага? Почему он так и не решился уйти в отставку? Возможно, страх остаться и без президентского портфеля.

Нет сомнения, что решение отказаться от высшего партийного поста Горбачев принял до отъезда на кремлевскую дачу. Он внутренне был подготовлен к тому, чтобы рас прощаться с лидерством в партии. Договор о Содружестве независимых государств открывал перспективу на великую идею. Новый обновленный центр. И новый социализм. Так ему виделся этот документ. А судьба партии? С ней был брак по расчету. Он завершился разводом со скандалом. Суита в кулуарах подстегнула тех, кто не доверял Горбачеву. Ни как Генеральному секретарю. Ни в качестве президента.

<...>

Я окончательно убедился, что Генеральный секретарь и Политбюро отстранились от партийной работы на союзном уровне. На секретariate ЦК мы решали текущие вопросы. Заседания вел В. Ивашко. Они не заслоняли острых тем. Ново-Огаревский процесс вызывал у нас особое беспокойство своей неясностью. Кто же представляет в нем интересы партии? Ее называют правящей, а в управлении государством она фактически уже не участвовала. Да и Горбачев представлял страну как президент и на международном уровне.

<...>

Мы опоздали с оценкой действий ГКЧП. Конечно, не могу с уверенностью сказать, что именно это промедление поставило партию на грань катастрофы. К ней она шла не первый день.

<...>

Запаздывал секретариат ЦК и с такими важными проблемами, как национальные конфликты и Ново-Огаревские договоренности. География конфликтов расширялась. Они возникали там, где для них казалось, не было серьезных оснований. Встречаясь с лидерами республиканских компартий, откровенно говорили, как опасно их пускать на самотек. Вместе искали решения. Без поддержки президента их было сложно гасить. А он все чаще от них уходил.

Мы замечали, что Горбачев в основном нас переигрывает. Как и почему он это делал, секрета не представляло. В последний год он не нуждался в Политбюро как политической силе. Правда, от-

крыто отказаться от партийной власти не смог. Работая в жестком режиме партийной иерархии, у секретариата порой не было выбора, и он не выходил за рамки своих полномочий.

Владимир Ивашко часто болел. Едва его избрали заместителем Генерального секретаря, как его настиг инфаркт. Около двух месяцев его не было на работе. Незадолго до августовских событий перенес третью по счету операцию. Ее провели на щитовидной железе. Состояние здоровья резко ограничило его активность.

Как я уже говорил, в отсутствие генсека и болезни Ивашко сначала за старшего в ЦК оставался А. Дзасохов. Но потом его сменил О. Шенин. Так было и в августе. Информация у него была обширная. В его ведении кроме организационных вопросов были парторганизация Комитета госбезопасности, Министерства внутренних дел, прокуратуры. Он хорошо знал положение дел на местах. Постоянно был недоволен, что мы мало работаем над усилением роли партии в обществе.

Он часто встречался с Горбачевым. Звонили друг другу. Как-то Горбачев звонит нам на Старую площадь и говорит: «Никто не выступает в защиту Генерального секретаря», — Шенин молчит. Но через несколько дней сам выступает в печати.

У Горбачева сохранилась привычка смотреть на секретариат ЦК как на дополнительный аппарат президента. Он нередко давал нам поручения, которые не имели никакого отношения к нашим обязанностям. Так, он переправлял письма, которые получал, с указанием: «Разобраться».

К президенту обращалось много людей по разным вопросам. С ними разбираться он перепоручал секретарям ЦК. Мы входили помимо своей воли в такие дела, которыми не должны были заниматься. Это стало дополнительными обязанностями. Генсек не делал различий — где дела государственные, а где партийные.

Видимо, поэтому в августовские дни Шенин каждый день контактировал с членами ГКЧП, бывал на совещаниях. В секретариате он нам сказал: «Я это сделал сам, по своей инициативе». Хорошо понимал, что партию нельзя вмешивать в заговор против Горбачева. Когда поступила информация, что 21 августа в Форос едут Крючков, Язов, Бакланов, Олег Семенович Шенин спокойно сказал: «Нечего им туда лететь. Они ничего не добьются. Он их не примет. Горбачев вернется с Руцким. Мы с Прокофьевым выйдем из Политбюро. Но заявим об этом на пленуме. Уже все провалено».

Все же, я думаю, именно недоверие к личности М. Горбачева явилось главным побудительным мотивом для конспиративных приготовлений некоторых руководителей государства и партии

к тому, чтобы заменить Горбачева на всех постах. Правда, сделали это не лучшим образом. Сказался привычный опыт устраниния нежелательного лица.

Президент своим уклончивым курсом на реформы подтолкнул элиту государства к активной блокировке договора о Союзе суверенных государств. Тут и нужны были оперативные решения Политбюро. А их не последовало. Почему? Не в том причина, что президента и генсека «заперли» в Форосе. По мнению Бакланова, история с пленением Горбачева миф. Это самопленение. Так закончился горбачевский курс «реформаторства». Он похоронил вместе с партией ее выдвиженца — президента Михаила Горбачева.

